

Пащенко Наталия

Река жизни глазами Ра

фэнтези

Наталия Пащенко
Река жизни глазами Ра

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пащенко Н. В.

Река жизни глазами Ра / Н. В. Пащенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Тан Ра - мальчик десяти зим, не мечтает ни о чем больше, чем стать хорошим рыбаком. Но судьба распоряжается по другому. Его семью изгоняют из рыбацкого поселка. С мамой и сестрой Тану предстоит столкнуться с трудностями большого опасного и коварного мира, о которых еще вчера он и не догадывался. Проводником в бурном водовороте событий для изгнанников становится человек вне закона - опытный и суровый ловец снов по имени Ирбрус.

1. Изгнание

Шум, донесшийся снаружи, разбудил меня. Он напоминал ветер, перемешанный с головами возмущенных людей и топотом большого количества ног. Сестра – Маар Ра – спала рядом, свернувшись клубочком. Пытаясь не разбудить ее, я тихонько вылез из-под одеяла, накинул куртку из грубой ткани и накрутил на ступни тряпичную обмотку. Холодно, наверное, на пристанях сегодня и скользко. Всю ночь в лодке присвистывали ледяные сквозняки, не давая нам заснуть. Выглянув из лодки, я замер от увиденного. Солнце еще не начало всходить, только первые лучи прорезали темноту. Пристань была окутана туманом. Но то, что мне удавалось рассмотреть, пугало и заставляло холодеть мое детское сердце.

По пристани шагали жители нашей деревни. Во главе их шел Рок из рода Хэм. Схватив за руку, почти толкая перед собой, он вел изворачивавшуюся женщину. Мою маму – Гею Ра!!

«Что произошло?» – проносилось в моей голове. Ничего не понимая, я наблюдал за приближением всех жителей нашего поселка. Они шумели, кричали:

- Они нарушили правила!
- От них нужно избавиться!
- Мы не хотим, чтобы наши дети росли рядом с ее детьми!
- Отвязать их лодку!
- Пусть отчаливают!
- Отдадим их быстрому течению реки!

Топот усиливался, и сквозь шум голосов я слышал отчетливые шаги Рока из рода Хэм. У него было лютое лицо, и каждый шаг как будто резал мне слух. Бах, бах, бах, бах – всё громче и громче! Бах, бах, бах – всё ближе и ближе! Бах, бах, бах – всё страшнее и страшнее. В висках начала пульсировать кровь в такт его поступи. Шум нарастал. Тяжелые шаги в утреннем тумане над рекой переливались с голосами и криками. Люди всей деревни следовали за Роком и мамой. Эта процессия тянулась вдоль всей пристани и заполняла собою всё свободное место на ней, от края до края. Казалось, все жители поселка собрались сегодня утром здесь. Зачем-то они принесли с собой корзины, в которых обычно оставляли очистки рыбы. Я видел лица приближающихся и слышал их голоса:

- Нарушители! – кричал мужской голос.
- Хотят жить не как все! – этот голос принадлежал какой-то женщине.
- Они еще пожалеют об этом! – снова крики вылетали из толпы, как пружины. Уже очень скоро холод в моем сердце распространился по всему телу, а на лбу выступил холодный пот. Я видел всё, что происходило, но ничего не мог понять. Вот Рок Хэм уже держит маму перед нашим домом-лодкой, но не отпускает ее руку, а наоборот, разворачивает лицом к толпе. Я в это время, застывший в дверях, с ужасом смотрел на них, ничего не понимая.

– Вот дом этих женщин! – громко сказал Рок Хэм, показывая рукой на нашу лодку, из дверей которой, торчала моя голова. – Я думаю, что мы вправе решать их судьбу после сегодняшней ночи.

– Конечно, Рок! Ты прав, Рок! А кто же, если не мы! – доносились из толпы одобрительные возгласы.

– После стольких проступков, после такого чудовищного неуважения к законам нашей деревни! – продолжал Рок Хэм, видя поддержку людей. – Никто не скажет, что мы несправедливы к этой семье. – И Рок указал свободной рукой в мою сторону. – Они знали, на что идут, и знали, какое наказание ждет их. Не думаю, что кто-то из вас, мои справедливые братья, будет иметь сомнения в отношении этой семьи.

- Род Ра исчерпал себя! – послышалось из разъяренной толпы.
- Нет больше места их лодке около наших пристаней!

– Они не только сами нарушили закон, но и принудили всех остальных, честных жителей поселка, стать нарушителями, – продолжал Рок. – Это не просто проступок, они желали заставить всех присутствующих здесь усомниться друг в друге и в правилах нашей деревни! Женщины с такими мыслями не должны быть нашими соседями!

Рок говорил и говорил. Он это делал горячо, пылко, зажигая своей идеей толпу. И эта идея с восторгом принималась всеми, к кому обращался Рок. Очень скоро я перестал его слушать, ведь он не говорил ничего нового, просто разжигал злобу в толпе тех, кого я раньше считал своими товарищами и братьями. Я смотрел на несчастную маму. В ее глазах застыл ужас. Она хотела высвободиться из рук оратора, но он не давал ей этого сделать. И сильнее сжимал свою ладонь, чуть выше маминого локтя, не оставляя ей возможности сбежать от позора в лодку. Он хотел зрелища, чего и добивался этим выступлением перед публикой. Толпу уже было не унять – настроение Рока передавалось присутствующим, словно в дождливый день наполнялись пустые сосуды водой. Все хотели увидеть, как же свершится справедливое правосудие.

Вдруг Рок Хэм отпустил маму, оттолкнув от себя в сторону нашей лодки, она от неожиданности даже упала. После этого толпа озверела. Все кричали «Убирайся!», «Тебе тут не место!», «Позор!», «Ужас!», вперемешку со злобными выкриками на маму посыпались головы рыб из тех корзин, которые прихватили с собой женщины. Они сами и их дети бросали обрезки рыбы в сторону мамы. А ведь еще вчера они здоровались с мамой на наших пристанях, а с мальчишками я играл и мечтал о том времени, когда мы станем взрослыми.

– Заходи к себе! – заорал Рок во всё горло, чтобы было слышно даже самому глухому в толпе. Он наслаждался жестокостью, которую сумел посеять в сердцах этих людей. Хотя теперь я сомневался, что в них было что-то человеческое. Мама пыталась встать, но это получилось у нее не с первого раза – пристань покрылась тонким льдом. Я попытался вылезти, чтобы ей помочь, но в мою сторону полетели головы рыбы. Их бросали наши соседи, мальчишки из рода Дор. Они спрятались на своей лодке, которая примыкала к нашей, и вели обстрел, не останавливаясь ни на секунду, доставая откуда-то всё новые и новые куски, иногда среди них попадались и тухлые, запах я слышал четко, ведь соседи старались попасть мне в голову. Четверо парней хотели таким способом не подпустить меня к маме и продлить, как им казалось, момент ее расплаты за грехи, о которых я еще не знал. Да и мальчишки из семьи Дор, как и все остальные дети на пристани, не могли знать, что случилось. Им ведь запрещено ночью покидать лодки-дома. Отчего же они так злы? Откуда в них столько беспричинной ненависти?

Рок торжествовал, стоя в стороне от мамы, он наслаждался своим величием и умением зажечь толпу. Как только маме удалось подняться, он снова заорал:

– Убирайся к себе! И больше никогда не оскверняй своими ногами эти пристани поселения Гай! Тут нет тебе места!

Толпа его поддерживала громким криком. И вслед залезающей в лодку женщине снова полетели головы рыб. Бросали теперь даже те, кто пришел без корзин, они их поднимали с пристани и целились снова в Гею Ра. Я помог ей зайти в лодку и закрыл за собою дверь. Рок из рода Хэм был горд. Он всё делал для того, чтобы самоутвердиться в глазах жителей деревни. В глазах собравшихся я видел лишь злобу и ненависть. Ни у кого на лице не блеснула хотя бы искра сострадания. Ни у мамы семьи Верд, которая частенько занимала у нас рыбу, ни у мамы семьи Дор, хотя наши семьи и дружили. Сегодня все они были нашими врагами, и я не видел в них ничего человеческого. Мы сели на мою еще не убранную перину и молчали в ожидании того, что будет дальше.

Ощущалось сильное раскачивание лодки – это снаружи на наш дом залезли мужчины и громко кричали: «Руби!», «Отправим их в плаванье!», «Пусть знают, как нарушить правила!» «Запреты едины для всех!». Раздался стук – бах, бах, – казалось, лодка-дом развалится. Судя по всему, это рубили веревки, которыми была привязана наша лодка к соседним. Нас раскачи-

вало из стороны в сторону. Находясь внутри, мы ощущали, что ее хотят перевернуть, а не обрубить веревки. Что-то призывное говорил в этот момент Рок из рода Хэм. Но за стуком топоров по бортам было ничего не понятно. Да и проснувшись Маар расплакалась. Она залезла к маме на руки и, потирая глаза, со слезами говорила, что ей страшно. «Мне, тоже страшно», – сказала мама. И тут стало страшно мне. Не так, как до этого, просто страшно от новизны происходящего, а очень страшно. Раньше я думал, что мама может всё решить, помочь, объяснить. Но теперь уже никто ничем не мог помочь. Нас отправляли в неизвестность, сумеем ли мы выжить?

И вот последний удар топора по веревкам нашей лодки – и оборвана последняя надежда на сострадание палачей. Кто-то с силой оттолкнул от пристани наш дом, мы поняли это по жесткому удару в нос лодки. И нас зашатало на волнах. Незнакомые ощущения переполняли меня, я никогда не чувствовал себя таким беспомощным и незащищенным. Мне хотелось плакать, как Маар. Но я не смел. Ликующие голоса на пристани стихали вдалеке, мы отплывали всё дальше в лодке без весел. Течение несло нас туда, откуда еще никто не вернулся. Маар успокоилась на руках у мамы. Мы молчали, со страхом глядя друг другу в глаза. У меня был миллион вопросов, которые следовало бы задать маме, но после того, что случилось, ей было не до ответов. Гню Ра бил озноб, всё ее тело дрожало, кое-где начали проступать синяки от метких попаданий, волосы спутались, а рука, на которую она упала на пристани, была свезена. Я догадался, что всю ночь она не спала, поэтому ей был нужен покой. Накрыв ее и сестру одеялом, я и сам решил немного успокоиться и закрыл глаза.

2. Поселок Гай. Жизнь на воде. Правила.

Меня зовут Тан Ра. Два дня назад мне исполнилось десять зим.

Еще два дня назад мы жили в деревне на воде. В лодках, привязанных к пристаням. Они были сделаны из добротного дерева и выдерживали холодные ветра и высокие волны реки. Крыши и стены лодок также были деревянными. Потолки наших плавучих домов нависали очень низко над головами, и я радовался тому, что еще могу ходить, не пригибаясь в лодке. Ведь многие мальчишки, игравшие со мной днем на пристанях, давно бились головой о перегородки на домашних потолках и регулярно ходили с шишками. В нашем небольшом поселке все знали друг друга в лицо, и на пристанях, к которым привязывались лодки-дома, всегда слышались приветствия с добавлением имени. Всегда, без исключения! Таким образом мы подчеркивали, что рядом не чужой человек и остальным нечего бояться. Ведь всем тем, кто находился в это время в своих тонкостенных домах-лодках не было видно, кто идет снаружи. В стенах отсутствовали окна. Имелось только одно в задней стене, чтобы можно было видеть, не подплывает ли кто-то к поселку по воде. Такое маленькое обзорное окошко служило нам и единственным источником солнечного света. Вечерами мы пользовались лучинами, но травили их экономно, ведь они стоили очень дорого. Поэтому слыша из «слепой» лодки: «Привет, Рок Хэм», всем становилось понятно, что глухие звуки шагов принадлежат Року из рода Хэм. Это мужчина двадцати восьми зим, сильный и смелый рыбак, не раз своим умением выручавший всю деревню от голодных дней. Но делал он это не потому, что был добрым – тут вообще-то добрых людей не было. И слово это я уже спустя годы понял и стал применять. Рок Хэм действовал во благо своего доброго имени, ему нравилось, что с ним здороваются, чуть опустив голову и немного сгибая спину. Именно Рок прославил свой род Хэм. И с каждым уловом, превосходившим по количеству чужие, и с каждым щедрым пожертвованием нищим семьям он возносился общественным мнением все выше и выше. Любой хотел бы быть таким же, как этот великий рыбак. И мне нравился Рок Хэм, он не раз давал моей маме жирную рыбу, когда нам нечего было есть. И я здоровался с ним, сгибая спину и опуская голову, выскакивая из лодки только взглянуть на него, когда слышал на пристани: «Привет, Рок Хэм!»

В деревне было много правил. Их нужно было соблюдать, а нарушение влекло за собой неодобрение со стороны соседей, а значит, тебя начинали сторониться. И никто бы такому, как ты, не подал руки, не поделился рыбой, не набрал воды, если бы ты заболел. Весь род тоже попадал в немилость соседей. А в нашей маленькой деревеньке это значило буквально «отшвартовывай свой дом и плыви со всеми своими родными, куда река вынесет».

Правда, к слову сказать, никто таких случаев не помнил, даже самые старые люди говорили, что их предки давным-давно не отвязывали своих лодок. Все держались вместе.

Лодки-дома носовой частью крепко привязывались к пристаням, а борта крепились к рядом находившимся соседским лодкам тугими веревками и канатами, чтобы река не могла их развернуть. Собственно, поэтому в боковых стенах и не было окон. Кроме стенки соседнего плавучего дома ничего в него увидеть было нельзя.

В поселке существовало несколько пристаней, они расходились у берега в разные стороны, а от каждой из них ответвлялись следующие пристани, тоже расходясь в разные стороны, – вся эта конструкция была похожа на осьминога. Про такое чудовище нам рассказывали старики. Говорили, что этот ужасный зверь живет в глубинах наших вод, что он небезопасен. Но никто его не видел раньше, даже сами старики. Никто! Существовал один рисунок на самой старой пристани, к ней пришвартовывались лодки рыбаков. Рисунок напоминал этого зверя. «Осьминог может съесть, а может задушить?» – думал я. Тогда я еще не знал, что бывают другие разновидности смерти. Весь мой опыт жизни – это десять зим, проведенных с матерью и двумя сестрами в деревне, которая живет за счет ловли рыбы: это и еда, и валюта для расчета. Рыбу можно задушить, оставив без воздуха, либо вспороть ей брюхо! Всё, больше я ничего не знал о смерти.

Так как в нашей деревне все боялись нарушить правила, преступности не было, никто никого не обижал, не грабил, не убивал. Все боялись за свои дома-лодки, которые могли быть отвязаны, а что виновных ждет там, в неизвестности, вниз по течению, никто не знал.

Мама говорила, рассказывая перед сном истории про наши места, что мы живем в самом тихом и приятном районе реки. Тут нет водоворотов и порогов, мы защищены от ветров горами, и нам нужно быть благодарными за то, что мы родились в этой деревне. Ведь, по рассказам стариков, есть деревни, похожие на нашу, ниже по течению, но там людям приходится бороться с течением, их лодки отрывает от общей связки. Никто не может знать, что будет завтра: проснешься ли ты дома у пристани, или тебя унесет река к диким рыбам и жутким чудовищам. Лодку может перевернуть, и никто не поможет уже, никто! Я всегда засыпал с мыслью о том, что очень благодарен маме за то, что она меня родила именно в этой деревне, а маму – бабушка и так далее. Какими все-таки умными были наши предки, решив остаться здесь, ведь теперь я сплю в своей кровати, и мне ничего не угрожает. Спасибо им за мое тепло и покой. Так меня убаюкивало мерное покачивание лодки на волнах реки. И все жители нашей деревни засыпали, это было понятно по утиханию голосов вокруг. Лодки качались на волнах, постукивая друг об друга, поскрипывая на воде, и так приятно было слышать это постукивание. Я знал, что справа от меня в лодке засыпает семья Верд. Раньше это был многочисленный род, теперь их осталось всего трое: мама и две дочери семи и двух зим. А слева семья Дор. Там засыпала мама и четверо сыновей двенадцати, девяти, шести и трех зим. Я любил с ними играть. Правда, наши игры начинались и заканчивались катанием босиком на мокрых деревянных досках пристани, строительством крепостей из выловленной речной тины и драками с мальчишками с других пристаней.

Мне казалось, что я защищен со всех сторон, никто не посмеет и не сможет меня обидеть или подойти по пристани к нашему дому. Такие ночи приносили нам сон. Чувство защищенности меня радовало и убаюкивало. Часто во сне я видел, как рыбаки вытаскивают улов из лодок на пристань, а я с мальчишками бегу помогать перекладывать эту рыбу в мешки и тащить к берегу, где торговцы меняли ее на хлеб, соль, лучины, мед и орехи. За мешок рыбы можно было

получить четыре хлебины или маленький мешочек соли. А мальчишкам за помощь рыбаки давали рыбу, которая становилась обедом для всей семьи. Или еще я мог увидеть во сне, как ремонтируют нашу лодку. Это был праздничный сон! Ведь все лодки нуждались в ремонте, и когда подходила очередь следующей, а это происходило один раз в две зимы, мы очень радовались. Мужчины всей деревни собирались для этого и поднимали лодку на сваи, ее сушили, конопатили, прокрашивали изнутри и снаружи и снова опускали на воду. Так происходило со всеми лодками в деревне по очереди. В это время жители лодки обитали на пристани, никому и в голову не приходило позвать к себе «бездомышей». Лодки ремонтировали только в теплое время года, чтоб их обитатели не замерзли без крова. Да и работать в холода мужчинам было сложно.

Наша деревня носила название Гай. Это старинное название что-то обозначало, быть может, цветущий сад, быть может, живописный лес, но об этом никто не говорил, потому что никто никогда не видел ни садов, ни лесов. Жителям деревни было запрещено выходить на сушу! И даже подходить к ней близко. Это было одно из самых строгих правил. Да и на прилегающей суше ни садов, ни зелени не было, только серые, всегда мокрые камни, которые я видел лишь издали.

Однажды играя с мальчишками семьи Дор мы повздорили с ребятами с другой пристани и старший Дор – Хак Дор – подбежал к берегу, набрал камней и начал ими обкидывать противников. Они не испугались камней, они испугались нарушения правила, и очень быстро разбежались по своим домам-лодкам. Хак Дор был горд собой. А я вечером рассказал всё перед сном маме и сестрам. Мама с ужасом посмотрела на меня и сказала. «Не гуляй с мальчишками семьи Дор пять дней. И впредь имей ввиду, хочешь драться – возьми рыбы головы на нашей лодке и вой. Но никогда, слышишь, никогда не ходи к берегу и не общайся с теми, кто это делает! Чтобы тень позора не легла на твоих сестер и мать! Ты меня понял?». «Понял», – опустив низко голову, ответил я. Вообще-то и это было нарушением, мама должна была пойти к караульным и всё им рассказать про выходку старшего Дора. Но она этого не сделала. Потому что в деле с камнями был замешан и я. Караульные быстренько бы нас вытащили из лодок, вывели на центральную пристань. Потом бы позвали старейшего жителя поселка Гай, Великого Ушия из рода Мир, и, выслушав виновных, он громко огласил бы решение изгнать нас из деревни под осуждающие выкрики соседей. По крайней мере, я себе это представлял именно так.

Да, мы не общались с людьми из поселений, доставлявшими нам орехи, хлеб и лекарства в обмен на рыбу. Для этого были специальные кланы торговцев и менял. Их не уважали, но побаивались, детям крепко-накрепко запрещалось общаться с отпрысками этих родов. Менялы и торговцы жили ближе всего к берегу, и их лодки пришвартовывались почти на отмели. Скорее всего, это были самые первые поселенцы нашей деревни, кто бы еще мог попасть так близко к берегу? Конечно, только те, кто прибыл первыми. К их вросшим в дно домам-лодкам привязывались остальные, как звенья цепи, поэтому отшвартоваться и поплыть куда бы то ни было торговцы уже не могли. Это значило, что они могли, немного пренебречь правилами, зная, что им ничего не грозит.

Если бы жители деревни обладали хоть каким-то воображением, при желании они могли бы прогнать ненавистных торговцев и менял на сушу, но этого не происходило. То ли не додумались, то ли кто-то был должен выполнять неприглядную роль связующего звена с сушей в нашем поселении. Менялы и торговцы, к слову сказать, тоже не жаловали остальных жителей деревни. Весь товар, который они получали с берега, они отдавали за рыбу. Некоторые рыбаки не нравились менялам, им отдавалось меньше хлеба за большее количество рыбы. Или торговцы придирались к качеству, что тоже ее обесценивало. Бывало и наоборот: случалось, что кто-то нравился торговцам. Хотя нравиться торговцам было делом неприглядным. Тех, кто водил с ними дружбу, сторонились все остальные жители деревни. Дети не хотели играть с детьми любимчиков торговцев, женщины не помогали друг другу в болезни, а мужчина, вырос-

ший в семье, водившей знакомства с торговцами, был обречен всегда рыбачить в одиночку, без помощи товарищей. А выходить на реку одному всегда было рискованно. И никто бы не взял в караул мальчишку, дружившего с торговцами. Их считали нечестными людьми, готовыми ради личной выгоды на любой поступок.

Менялы и торговцы жили своей жизнью. Например, мужчины этих кланов не ходили рыбачить и ремонтировать лодки-дома. Они жили только дома и никогда не ночевали в крайних – караульных – лодках. Эти лодки прикрепили последними в конце каждой пристани с целью нести на них вахту каждую ночь, а также они служили защитой от ветра и рассекали высокие волны в непогоду. Обычно караульные лодки очень качало, и на них было особенно холодно и неудобно. Вахту могли нести все мужчины после шестнадцати зим, желающие проявить себя смелыми и выносливыми. Поэтому в основном все мальчишки сбегали от мам в этом возрасте, чтобы проявить себя и самоутвердиться в глазах сверстников. Кстати последние сто зим, как говорят старики, не было никаких происшествий. Да и в ту ночь никто не понял, что произошло, когда о борт караульной лодки что-то ударило. Все вахтовые переполошились, схватили гарпуны (единственное оружие мужчин) и выбежали на пристань. Перед ними стояла огромная лодка, принесенная откуда-то волнами. После того, как самые смелые молодые люди отправились на разведку внутрь лодки, а она оказалась двухэтажной и шагов в тридцать длиной, выяснилось, что она абсолютно пуста. В настоящее время она стоит пришвартованная у самого края пристани, для того чтобы все помнили о нужности караула: если есть такие лодки, значит, есть и чего бояться, и о смелости тех караульных, которые прославили имена своих родов, зайдя на борт этого плавающего чудовища! Все побаивались посещать эту лодку, и даже детвора не играла на ней.

Каждый заступающий на вахту парень мечтает совершить что-то особенное, чтобы о нем говорили все в поселении Гай. Но пока подобного не происходило.

А вот у торговцев дети всегда оставались при них. Неважно, мальчишки или девочки. Это объяснялось тем, что переносить товар с суши на пристань и обратно дело нелегкое, и женщины не справятся сами. В торговом деле нужны силы не меньшие, чем в охране или в строительстве. Общественность не одобряла таких традиций. Но мирилась с ними.

Было еще одно обстоятельство, которое смягчало отношение людей к торговцам: они никогда не продавали лекарства. Его давали даром. Лекарства – это была запрещенная тема. Поэтому я о них знал мало. Знал только, что дома его хранить запрещено и есть специальные места, отведенные для его приема. Очень опасно его не принимать, но что случится, если нарушить это правило, я не знал.

Сын торговца никогда не был обижен словом в толпе, но и восхищения не вызывал, в отличие от парней, сбежавших из дома охранять Гай, либо тех, кто ловит рыбу, выходя на реку в любую погоду, или ремонтирует старые лодки.

Если мальчишка из обычной семьи оставался после шестнадцати зим дома, над ним все потешались. И он не мог занять в обществе места, достойного уважения. Все женщины смирились с этим и знали, что в помощь им останутся только дочери. Так, в семье Вер не осталось мужчин. Все три брата по достижении шестнадцати зим ушли из дома, а в семье Дор старший сын считает зимы, чтобы скорее удрать от мамы и, наконец, перестать заниматься этой чудовищно неинтересной работой: носить воду, мыть полы, чистить рыбу и таскать чужие мешки с уловом.

– Я хочу уже сам иметь свой улов, – говорил он, – и сам решать, сколько съесть, а сколько отдать!

Женщины в свою очередь не держали сыновей дома. И были рады тому, что дети их покидают. С мальчишками слишком много хлопот. Они могут вытворить что-то, а из-за этого мать со своими детьми отправится в изгнание по реке, и в придачу ей дадут виновника бедствия. Мужей обитательницы Гай вообще не имели. Слишком невыгодно это было для обоих полов.

Мужчины не хотели быть привязанными к одному месту и к детям. Женщины же не понимали, зачем им в лодке еще один рот. Мужчины жили отдельно от женщин. Их лодки располагались на отдельной пристани. В каждой лодке размещалось по восемь мужчин. Об этом я пока мало знал. Детям туда ходить запрещалось. Эту пристань называли рыбацкой.

Ночью нам всем запрещалось выходить из своих домов-лодок. Кстати, в этом правиле тоже был смысл. Ночью ничего не видно! Можно оступиться и упасть в воду, а по правилам деревни заходить в воду также запрещалось. Мы не купались в реке, а набирали воду ведрами. Никто не умел плавать, да и никто не знал, что можно уметь. Упавший в воду человек и не пошедший сразу ко дну уподоблялся рыбе, а значит, это уже не человек, а рыба, так говорили старики! Нельзя ему помочь выбраться обратно, потому что рыба не может дышать без воды. Это тоже было правило деревни. Тому, кто при рыбалке выпадал из лодки, не помогали, а если находился тот, кто хотел протянуть руку помощи погибающему, его благородный порыв останавливали друзья:

– Ты навлечешь позор на свой род! – говорили ему. И сердобольный спасатель опускал руки.

3. Обычный день. Отметки на спине. Чудовища в небе. Свет внутри нас.

Каждый день начинался одинаково. Я вставал с восходом солнца, когда можно было уже выходить на пристань, сматывал быстро свою перину, хватал удочку и бежал провожать лодки рыбаков, уходящих на добычу еды в бескрайние воды реки Сома. Такое название, как гласила легенда, река приобрела после того, как в нее упал человек с крыльями по имени Сома. Но не утонул, а отрастил плавники и теперь, злясь на свою судьбу, превращает в рыб всех упавших в воду. История была грустная, и я предпочитал думать, что этот чудо-человек с крыльями все-таки остался человеком и сумел выбраться. Но когда я предположил это и рассказал новую концовку легенды маме, она меня пристыдила и запретила переделывать священную историю реки Сома. Спротивляться было нельзя, ведь переделывать легенду то же, что переделать прошлое. Тем более мне на реку было грех жаловаться: во вторую зиму после моего рождения река подарила мне удочку, как сказала мама.

– Значит, Великий Сома хочет, чтобы я стал рыбаком! – думал я. Моя вера в этого крылатого человека окрепла еще больше, когда я узнал, сколько удочка может стоить. Мама за всю жизнь не съела столько рыбы, сколько пришлось бы за нее отдать торговцам, а значит, только Великий Сома мог сделать мне такой щедрый подарок.

В то время как я взглядом провожал лодки рыбаков, деревня оживала. Девочки шли по воду, мамы доставали вяленую или соленую рыбу и готовили завтрак, мальчишки сбегались на пристань провожать рыбацкие лодки, а после поиграть или порыбачить в ожидании возвращения мужчин с уловом. Мы разгонялись и скользили по пристани, ведь она никогда не была сухой. Эта самая низкая пристань предназначалась для лодок с невысокими бортами в отличие от бортов лодок-домов. Рыбацкие лодки были низкими и длинными, соответственно, и пристань нависала низко над водой. Любое волнение реки мочило старые доски, и мы с хохотом босыми ногами скользили по воде. Разбегались – и тысячи брызг неслись от мальчишек в разные стороны. Пристань была настолько наполирована мешками, в которых таскали рыбу, и нашими босыми пятками, что в ней можно было увидеть свое отражение. Но можно было и упасть в воду, проявив неосторожность при скольжении. А это значило стать рыбой навечно. Скользить по мокрой пристани мамы не разрешали, но никто никогда их не слушал. В ожидании возвращения рыбаков мы мечтали о том, как вырастем и покинем этот скучный причал. Уйдем на реку и будем рыбаками лучше, чем Рок Хэм. Я частенько рыбачил с пристани, пока остальные ребята резвились. И бережно складывал пойманную рыбу в сетку, привязанную к поясу.

Мы все ждали, когда рыбаки приведут свои лодки с уловом к причалам, для того чтобы помочь разгрузить лодки и дотащить улов к жилищам торговцев. Нести мешки приходилось далеко, торг осуществлялся практически там, где заканчивалась пристань и начинался берег. Мешки сбрасывали перед торговцем, а он оценивал качество и количество рыбы. После происходил расчет и обмен рыбаков и торговцев. Это был шумный процесс, каждый рыбак хотел получить больше, а торговец – отдать меньше. Именно эта часть дня мне казалась особенно неприятной. Но я молча ждал, когда взрослые мужчины договорятся, и мне отдадут мною честно заработанную рыбу. Рыбаки тоже были разными, кто-то благодарил мальчишек щедро и выдавал чуть ли не лучшую рыбу из улова, а кому-то было жалко и мелкой рыбешки. Конечно, мы заранее знали, кто из рыбаков щедрее, и торопились именно к их лодкам, чтобы помочь таскать и грузить рыбу именно им. Но не всегда щедрым везло с уловом. И часто приходилось помогать скрягам за мелочь – с пустыми руками же домой не вернешься...

Как никто в рыбной ловле был удачлив Рок Хэм. Он всегда приходил к пристани с переполненной лодкой. Всегда мешки с его рыбой были тяжелы, а он щедр и добр к мальчишкам. Было большой удачей прибежать первому на пристань и заорать во весь голос: «Сегодня я несу мешок Рока!». Если же ты прибежал не первым и не вторым, тебе оставалось только занять очередь и ждать, что у Рока хватит мешка и для тебя. Он всегда рыбачил один, без помощников. Потому что, как говорил он сам: «В этой лодке мало места для моей рыбы, куда я положу рыбу напарника?». И громко при этом смеялся раскатистым смехом.

Разбежавшись по домам после помощи рыбакам, мы все обедали. Так было заведено в поселке. Помогали мамам и сестрам носить воду из реки или чистить рыбу. А вечерами нас мамы купали и укладывали на не очень мягкие перины, которые днем сворачивали, чтобы было больше места в лодке. И мамы уходили. Куда, мы точно не знали, но знали, что это необходимо. Все девушки после четырнадцати зим и парни после шестнадцати должны принимать лекарство на ночь. Чтобы жить дольше. Именно это лекарство давали нам торговцы и менялы, которое, в свою очередь, получали от людей из-за камней. Мама возвращалась с последними лучами солнца веселая и бодрая после приема этих лекарств и говорила, что лучшего ей и не нужно. Я не задавал вопросов, тем более она всегда возвращалась с едой. Рыбу я мог заработать или поймать с пристани на удочку, салат из водорослей был частым гостем на нашем обеденном столе, а вот хлеб или орехи, мед и соль были роскошью.

Весь день мама ждала, когда же этот вечер наступит, именно ради того, чтоб укрепить здоровье. И нам было жутко интересно, что там происходит. Но пока еще никто из нас этого не знал. И из моих друзей тоже. До того, как она уходила, укладывая нас спать, мама мне говорила:

– Пока еще тебе нет шестнадцати зим, и ты живешь дома, мог бы с утра сходить на край пристани, а не гонять с Дорами без дела в ожидании улова, и принести сухих водорослей для перин всем нам. Они стали такими жесткими, на них невозможно заснуть. А у меня на всё не хватает времени.

Но я точно знал, что когда мама вернется домой после приема лекарств, она даже не вспомнит о прохудившейся перине, а просто ляжет спать, весь следующий день будет причитывать, что у нее боли без лекарства и скорей бы уже вечер. А я, как ни в чем не бывало, буду скользить по низкой пристани в окружении брызг и смеха товарищей.

Всё так и тянулось до тех пор, пока моей старшей сестре не исполнилось четырнадцать зим. С первым снегом в лодку каждого обитателя деревни стучал Великий Ушия из рода Мир. Это был очень уважаемый человек и очень значимый. Клан Мир занимал особое положение в нашей деревне. Мужчины этого рода не были рыбаками или вахтовыми. Они жили отдельно от всех на рыбацкой пристани и никогда не рыбачили. Их лодка находилась вдалеке от остальных, и в ней жили три человека: старший Мир, его сын Окат и внук Брам. Именно старший, Великий Ушия Мир, ходил в гости в каждую лодку для того, чтобы поздравить нас с еще одной зимой. И дарил каждому эту зиму навсегда.

У Великого Ушия Мир было в руках железное клеймо в форме рыбы, тонкое, как водоросль. Приходя к жителям поселения, он садился в центре лодки и раскалял это клеймо. Каждый обитатель жилища подставлял ему свою спину, и Ушия ставил на ней очередную отметку о том, что год прожит. Так мы знали, что мне девять зим, маме двадцать девять зим, младшей сестре две зимы, а старшей тринадцать. Но с приходом этой зимы Ушия поставил еще по одной отметке всем, а это значило, что на маминой спине появилась тридцатая рыба, на моей десятая. Спину малышки украсила третья, как сказал Ушия, когда сестра расплакалась от боли после ожога, – самая красивая рыбка. А на спине старшей сестры появилась самая главная, как я считал тогда, четырнадцатая рыба. В семье каждого обитателя Гай этот день был особенным, праздничным. Мамы доставали в такой вечер самую жирную рыбу и делили ее на всех членов семьи. Третий прием пищи был редкостью для всех. Ведь в деревне ели всего два раза.

Отметив всех жильцов лодки в очередной раз, Великий Ушия Мир уходил, забирая с собой лампу, раскалявшую клеймо, и саму железную рыбу. Никто не мог себе сам на спине поставить эту рыбу без участия Ушия. Ведь только у него было такое клеймо. А это означало, что только он мог добавить возраст. За зиму он обходил всю деревню, всех жителей, и у каждого менялся узор на спине.

Все матери хотели, чтобы их дочери стали быстрее принимать лекарства, чтобы не заболеть, и все мальчики хотели побыстрее уйти из дома и тоже начать принимать лекарства. Для того чтобы добавить себе на одну рыбу больше, чем положено, с Великим Ушия можно было договориться. Но дополнительный год обходился семье настолько дорого, что мы себе этого не смогли позволить ни разу. А вот молодые и считавшиеся красавицами женщины, которым рыбаки дарили бусы из речного жемчуга и ракушки, расплачивались украшениями с Великим Ушия. И их дети выросли за одну зиму на две. Три зимы Великий Ушия из рода Мир никогда никому не дарил, не продавал и не обещал. Тут никакие жемчуга не помогали. На всё был один ответ: «Нет!»

Еще в лодке рода Мир происходило чудо. Любая женщина из поселка Гай, родившая дитя, шла на рыбацкую пристань. Заходила в лодку мужчин из рода Мир и получала имя для своего ребенка. Это и было чудо. Ведь имя давалось навсегда, его нельзя исправить или сменить. Если женщина ничего не приносила, кроме младенца, то имя ребенка было из трех букв. И всем было понятно, что род этого человека беден и не может позволить себе добавить еще одну букву к имени. Если женщина приносила вкусную рыбу и бусы, ребенку давали имя из четырех букв. Пять букв не дарили никому, как и не прикладывали трижды клеймо к спине в одну зиму. Имена из четырех букв были редкостью и сразу бросались в глаза. В нашей семье, только у младшей сестры было такое имя Маар. Но откуда мама взяла средства, чтобы купить четвертую букву, мы не знали.

В этом году Великий Ушия Мир был слаб и медленно передвигался по пристаням. С трудом выполнял свои обязанности и долго переходил от лодки к лодке. Мама говорила:

– Наверное, на его спине больше нет места, чтобы поставить еще одну рыбу. Хотя его спины мы никогда не видели без одежды.

Сегодня в нашей лодке праздник. Моя старшая сестра Ида Ра стала взрослой. Еще не сегодня, но уже завтра мама не уложит сестру спать вместе с нами, а поведет с собой принимать лекарства. А она все расскажет потом мне и младшей сестре Маар.

Наш род Ра не особенно примечательный. В деревне Гай мы не славимся ничем. У нас нет мужчин в роду, чтоб прославляли нас. Я – единственный. У бабушки были только дочери. И у прабабушки, тоже. Вот как только я вырасту, обязательно прослаблю наш род! А пока буду ждать завтрашних новостей от старшей сестры.

Ида Ра очень веселая девушка, всегда радостная и приветливая. Если бы ей мама давала меньше заданий, она бы смогла играть с нами, как самая старшая. Она очень красиво рисует. Рисовать в деревне запрещалось, но откуда тогда взялся осьминог на пристани вообще было

непонятно. Ида рисовала на снегу или на тарелочке с солью. Ее когда-то этому научила мама, но после того как родилась Маар, мама рисовать перестала. Она говорила, что забыла, как это делается. Ида любила смеяться надо мной или над соседями, пародировала походку Великого Ушия или передразнивала Маар Ра, специально не выговаривая букву «р». С Идой всегда интересно, она не похожа на всех остальных девушек ее возраста. Она может долго молчать, глядя на воду, а потом весь вечер рассказывать нам с сестрой сказки про водоросли, которые живут в воде, и про рыб, умеющих разговаривать, про птиц, которые не только отражаются в реке, но и живут в ней. За такие рассказы мама Иду очень ругала.

– Откуда это в тебе? – спрашивала мама, – ну не нужно говорить так громко, прошу тебя, а если тебя услышит кто-то? Ты же знаешь, глупости запрещены в поселке. Прекрати немедленно!

Но как только мама уходила принимать лекарства, рассказ возобновлялся. В словах мамы была правда – в нашем поселке мечтать было запрещено.

Сегодня, после того, как мама проводила Великого Ушия из рода Мир и перед тем, как уйти вечером, она рассказала нам легенду о реке Сома, чтобы как-то успокоить жжение на наших спинах и отвлечь нас. Мы лежали втроем на животах, а она, заняв место посередине лодки, где только что сидел с важным видом Ушия, рассказывала:

– Мы живем у истоков реки Сома. Она начинает свой путь у ног Великого Вестника Жизни и течет, как жизнь, сквозь страх и темноту, сквозь неизведанное и неузнанное, к ногам Великого Вестника Вечности. Никто не видел этого вестника из оставшихся в живых. Мы все знаем, что жизнь имеет исток, но никто не знает, когда и как приведет тебя река жизни к Великому Вестнику Вечности. Но как бы ты ни попал к нему, ты должен будешь сказать, что не нарушал ни одного его запрета, а он, заглянув в тебя, увидит, так ли это. И, если ты говоришь правду, он подарит тебе два крыла и отпустит в небо, а если ты соврал, он тебе даст два плавника, и ты навечно окажешься в темных водах реки Сома в поисках еды. Ведь ее воды так темны, что ты не сможешь даже охотиться. И так вечно по реке ты будешь метаться от ее истоков до ее конца.

– А что в конце реки? – перебила маму Ида Ра.

Мама ничего не ответила, встала и вышла из лодки.

И вот, наконец, настал следующий день, а потом и вечер. Я ждал, я не мог заснуть, я ворочался, я даже выглядывал из лодки. Но так, чтобы никто меня не заметил. И заснул, но не пропустил появления мамы и Иды. Брезжил рассвет на горизонте, пора было вставать, но ни мамы, ни Иды в лодке еще не было. И вот я услышал тяжелые шаги на пристани. В нашу лодку зашел мужчина, на его руках спала Ида. Мама вошла следом. Этот великан, как мне показалось тогда, был гигантских размеров, он положил сестру на заранее расстеленную для нее перину. Мама протянула мужчине рыбу в благодарность, но он молча отмахнулся и вышел из лодки, зашагав по пристани прочь. «Какой он тяжелый», – подумал я. Лодку шатало при каждом его шаге. «Мужчины, наверное, тяжелее женщин. И пригибаться ему приходится почти вдвое». Его тяжелые шаги удалялись от лодки и вскоре совсем затихли вдалеке.

Я с трудом дождался момента, когда Ида откроет глаза. Я уставился на еще спящую сестру и, как мне казалось, целую вечность ждал ее пробуждения. Голоса ребят уже давно манили гулять на скользкую и заснеженную пристань, но я не торопился вставать. Мне было интересно посмотреть в глаза сестры. Что там в них нового? Что изменилось? Что это за лекарство, и почему она сама не смогла идти вчера? Может, заснула с непривычки. Но тут зашла мама и, увидев такую картину, быстро вытолкала меня из лодки.

Сегодня мне было поручено набивать перины. Дело это было утомительным и продвигалось медленно. Позавтракать меня не позвали, и я явился только к обеду, с небольшой рыбой в руках после разгрузки улова. Голодный, без лишних вопросов и уже не слишком уделяя внимания состоянию сестры, я набросился на хлеб и рыбу. С холода меня клонило в сон, и после

еды я быстро заснул. Проснулся уже тогда, когда ни Иды, ни мамы в лодке не было. Утром я выкроил время, чтобы недолго поговорить с сестрой. Но она покачала грустно головой.

– Ты не поймешь, – сказала она и принялась за чистку рыбы. Мне было очень любопытно узнать обо всех тонкостях взрослой жизни, но еще больше мне хотелось понять, куда пропала моя сестра? Она так изменилась, в ней не было того огонька и задора, игравшего в ее глазах раньше. Она действительно стала как взрослые. Но не совсем, она не ждала вечера, как они, она просто устало вздыхала, как утром, так и в конце дня. Все вокруг становилось веселее при виде заката, а она наоборот только хмурилась.

Через неделю я понял, она не хочет говорить, потому что боится маминого гнева. Так уж мама нас держала далеко друг от друга, что несложно было догадаться, что Иду выругают за общение со мной и с младшей сестрой, хотя малышка пока не проявляла интереса к этой теме. В один из дней я подошел к сестре, было особенно морозно, и дал свою старую куртку погреться. Она сидела над чаном рыбы и засаливала ее.

– Ида, – начал я, – скажи маме, что ты не можешь сегодня пойти, останься дома, притворись, что тебе плохо.

– Я пью лекарство, мне не может быть плохо, – не поднимая головы, ответила она.

– Но ведь оно может тебе не подходить! – настаивал я.

– Не может, оно подходит всем, – без эмоций в голосе ответила Ида.

– Что, всем от него так же хорошо, как и маме? – удивился я.

– Даже еще лучше.

– Но кому-то же, может быть, нехорошо?!

– Я бы не хотела стать первой женщиной, которой оно не подошло, – ее голос ничего не выражал: ни печаль, ни расстройство, – какой-то пустой и безэмоциональный. Как будто не ее вовсе.

– Ну и что? Пусть! – настаивал я.

– Тан, – сказала она тихо, – тем, кому оно не подходит, лучше не становиться, этих людей видят на наших пристанях всего лишь до заката. Ты когда-нибудь видел старого человека в нашем поселении?

– Да. Великий Ушия из рода Мир, – ответил я.

– Хорошо. А ты видел, куда уходят люди после старости?

– Нет, – я смутился. – В конец реки Сома?

– А как они туда уходят, ты видел? – интонацию ее голос приобрел, но она мне очень не нравилась. Ида говорила так, как будто во взрослости есть только минусы и никаких плюсов. И все эти знания, которыми она теперь обладает, а я еще нет, очень тяготят ее.

– Нет, – ответил я четко, – я не только не видел, но и не задумывался. А как? Ты знаешь? Видела? Расскажи...

– Дети пора обедать, – позвала мама, и Ида Ра, выпрямившись, как струна, пошагала к лодке. Я взял таз с рыбой и потащил его следом.

«Не пойму, – думал я, – почему она сказала, что она женщина, ты погляди, пава какая, дорастаи еще».

Старшая сестра была высокой и стройной девушкой. У нее были черные длинные волосы и длинные худые руки. Она считалась очень красивой девушкой в нашей деревне, я был мелким и шуплым мальчишкой, младшая сестра Маар Ра пока еще непонятно кем была, но похожа она была на солнышко. Хорошенькая, со щечками и пухлыми губками, с огненно-рыжими выющимися волосами. Светлая кожа и румянец отличали ее от всех остальных детей. Как говорила мама, для нашей жизни это плохой цвет кожи: быстро обгорает на солнце и обветривается на ветру. Мама же, Гея Ра, не отличалась красотой, но была очень сильной женщиной, со смуглой кожей и зелеными глазами. Я знал, что у нее были еще дети, только я не помнил, что с ними

произошло, а вот теперь мне стало интересно, куда уходят жители поселка Гай, и почему мы их не провожаем.

– Мама, – за обедом спросил я, – а куда ушли твои дети?

Она не поняла вопрос. Строго посмотрела на меня и откусила немного хлеба.

– Мама, я помню, что у тебя были еще дети, только вот куда они ушли? Мама опустила голову, а потом сказала:

– Пока не кончилась зима, я попрошу Великого Ушия Мир поставить тебе еще одно клеймо, а в следующую зиму еще два. И ты станешь вместе с нами принимать лекарства. Жди сынок, скоро ты всё узнаешь. Пока не нужно говорить об этом.

– Но ведь..., – я хотел продолжить, но мама обратилась к Иде: Будешь отдавать ему половину своей нормы, тебе всё равно пока целая многовато.

Я ничего не понял, но после обеда, на пристани, Ида обняла меня и сказала:

– Спасибо тебе большое, – я не понял, за что, да и эти нежности вообще были лишними.

– Что ты делаешь Ида?! Прекрати немедленно, – убрал я руки сестры от себя. – Что случилось! Быстро расскажи мне!

– Случилось то, что теперь ты всё поймешь. Жди вечера. – И ушла, пошевелив мои белые волосы. То, что мы такие разные, мама объясняла одной фразой: «Мужчины виноваты».

Вечером я долго не спал, а когда решил, что всё уже будет, как обычно, и мама с Идой вернутся с рассветом, и ничего особенного не произойдет, заскрипели доски, и снежок на пристани запел свою зимнюю песенку под тонкими ножками Иды.

– Тан, – позвала она тихо, но четко, – Тан!

Я высунул из деревянных дверей лодки свою белокурую голову.

– Что? – спросил я шепотом с любопытством и непритворным раздражением.

– Выходи, выходи быстро, у нас мало времени.

Я выскочил из лодки без верхней одежды и понял, что быстро замерзну, если не возьму из дома куртку. Но Ида держала в руках колбу из стекла с жидкостью черного цвета.

– Хочешь? – протянула она ее мне. И улыбнулась. – Это полная порция. Я не хочу.

Ида так улыбалась, как раньше, до четырнадцатой зимы, до этого снега, до ее взрослости. И я вспомнил, что никто не улыбается у нас в деревне, только те, кто не достиг возраста приема лекарства.

– Нет, – сказал я. – Не хочу. А зачем его пить, если оно делает тебя хуже?

– Я не знаю. Но посмотри, что я тебе покажу. Сегодня мама там останется до утра.

– Где? – спросил я.

– В Плясе. Не переживай, там полдеревни нашей каждую ночь спит. И она нередко тоже, просто мы об этом не знаем, потому что спим дома. Нам нужно спрятаться так, чтобы не замерзнуть и не быть замеченными. – Она это сказала быстро и махнула рукой в сторону, где стояла лодка, сто лет назад подаренная небесами нашему речному поселку.

– В ней никто не живет и не бывает. Побежали туда, – весело позвала меня сестра.

На свой страх и риск, больше боясь, чем замерзая, я побежал за Идой. На нас падал снежок, он заносил следы, остающиеся на тонком льду на пристани, оставленные мальчишкой десяти зим и девочкой, называвшей себя женщиной.

Добежав, мы не согрелись, конечно, в этой лодке было холодно, как на льду голышом. У нее были только стены, но не тепло для нуждающихся.

Ида приложила палец к губам, давая понять, что нужно молчать, во второй, посиневшей от холода руке, она держала колбу с черной жидкостью. Взглядом я спросил, что же делать дальше. Она показала мне палец и потыкала им в окно и вверх. Я выглянул в окно и ничего кроме темноты не увидел. Я молча развел руками показывая, что не понимаю, о чем она говорит, но устроившись у окна, сестра так же ждала, как и я.

– Слышишь? – тихо спросила она.

- Нет, – также, еле шевеля губами, прошептал я.
- Слу-у-у-уша-а-ай... – шепотом протянула она.

А где-то внутри моей десятизимней головы взрывалось слово «обман»! Что-то должно произойти то, что замалчивают все, то, что все скрывают, что мама таит от нас. Где грань между взрослостью и враньем? Или этой грани нет, и эти два понятия, как водоросли, переплелись, и не распутать их? Взрослость, вранье, угрюмость, недовольство жизнью, безрадостность, вечная серость... Но вот и я услышал и посмотрел с ужасом на сестру. А она так снисходительно покачала головой, мол, теперь ты меня понимаешь, и улыбнулась. Это меня взбодрило. Я продолжал смотреть в черное небо и услышал шелест, он приближался, становился таким громким, как шум тента лодки в ветреную погоду. И вот что-то огромное появилось в небе, что-то с крыльями и четырьмя лапами. Существ было много. Я насчитал около десяти летающих монстров. Что-то страшное, черное и наверняка еще пока до нас никем не виданное. Не могли люди не знать об этом. Шум пролетел мимо. Я хотел что-то спросить у сестры, но едва открыл рот, она закрыла его рукой. И приставила потом палец к губам. Я понял, что это не конец, и потер холодную пятку левой ноги о колено правой. Через некоторое время шум возобновился, он направлялся в обратную сторону: теперь эти же существа «плыли» по небу назад. Но не так легко, как раньше, а тяжело взмахивая крыльями. Так к причалу пристаёт лодка Рока Хэма, всегда нагруженная до краев рыбой, весла на ней всегда тяжелы, а всплески воды под веслами редки. Что же так утяжелило этих существ? И вот мои глаза, привыкшие к темноте, уже четко различали яркие, разноцветные точки света на спинах чудовищ. Это ничего не объясняло, но возбудило во мне такой интерес, что я чуть не захлебнулся вопросами. Чудовища пролетели мимо. И я повернулся к сестре с вопросом и изумлением в глазах.

Ида махнула мне рукой, показывая, что пора в обратный путь. Но я схватил ее за руку, желая получить ответ немедленно. Она покачала головой. И тихо промолвила:

- Не здесь.

Мы выбежали на пристань, дул ледяной ветер. Ноги не слушались. И быстренько добежав до нашей лодки, мы залезли в нее. Грелись и молчали. Маар спала, как и я еще вчера спал, ничего не подозревая и не догадываясь. Согреться было невозможно. Озноб бил по всему телу. Что-то спросить у сестры я боялся. Боялся, что мама, подходя к дому, услышит наш разговор, и всё откроется. Я долго думал о черной жидкости в колбе, о сестре, которая всё это хранит в тайне, но при этом пытается сопротивляться всему происходящему, про то, как нашу лодку могут выслать за непослушание из деревни. Про то, что наш дом не так уж далеко пришвартован от конца пристани и что при желании его несложно отшвартовать. И про то, что у меня должно быть тринадцать бабушек и семь тетей, где же они все? И кто привязал нашу лодку когда-то у этой пристани? Почему мои предки решили именно здесь бросить поиски лучшего? Быть может, лучшего уже нет? Я в первый раз не благодарил их за удобное расположение лодок и деревни, а задавался вопросами, но не было ответов. А рядом безмятежно дремали в лодках Верды и Доры, ни о чем, не подозревая. А может, это и хорошо, ведь еще вчера я был веселым мальчуганом, а сегодня превратился в скучного, задумчивого, взрослого ребенка без права на лекарство. У меня появились вопросы. Но не ответы.

Повернувшись, я увидел, что из-под прохудившегося одеяла сестры что-то светится. Я дотронулся до ее плеча, она не спала.

- Посмотри на живот, – сказал тихо я. Она поняла, о чем я, и перевернулась лицом вниз.

– На себя посмотри, – прошептала Ида. В темноте лица было не разобрать, но по голосу я понял, что она смеется. Я взглянул вниз и увидел бирюзовое сияние под одеялом. Я перевернулся на живот. Больше этой ночью разговоров не было. Я в первый раз видел такое сияние. Ни один человек в нашей деревне не светился! Скрыть это невозможно, если из-под одеяла видно, то под одеждой тем более не скроешь. Я заснул, конечно же. Но что это был за сон! Кстати, о снах, по правилам нашей деревни, запрещалось говорить, как и о видениях, и о предсказаниях.

4. Разговор с мамой о свете внутри нас. Ответы для Тана.

Утром я услышал мамин раздраженный голос. И понял, что особенности вчерашнего дня остались только в моем сознании и в воспоминаниях. Ида Ра уже встала, и ее заново наполненная водорослями перина была сложена на полку. Маар шалила около выхода и играла ракушкой. Кстати, это была большая редкость в нашей деревне, обычно ракушками женщины украшали наряд, а тут у маленькой девочки такая дорогая игрушка. Ракушки можно найти только на дне реки, значит, их достать нельзя, река же их выбрасывает на берег, но и на берег жителям селения Гай нельзя. Ракушки нам могли дать только торговцы, ведь только они выходили на землю, и то за мешок отменной рыбы. Но пока меня не заботила эта подробность, мои мысли были заняты совсем другим.

Выйдя на пристань, я посмотрел на Иду, которую ругала мама, суть я не понял, но было ясно, что сестра в чем-то провинилась.

– Я устала сама тащить хозяйство, ты выросла, будь добра учти, что у тебя есть семья. Рыбы, которую приносит твой брат, едва хватает для него самого. Что ты будешь есть, если не захочешь жить, как все?! Ты должна! Никто не спрашивает, хочешь ты или нет! Тан и Маар растут, я старею. Я не смогу скоро сама кормить вас. Мне в помощь дана ты небесами. Будь добра, исполни свой долг и не позорь меня перед всей деревней!

Я глядел на Иду и понимал, что сияния нет. Ночью его видно, а утром, с восходом солнца, нет. Мне пришлось поднять рубашку, чтобы проверить, свечусь ли я. Мама, конечно, это заметила. И перестала кричать. Она осторожно повернула Иду лицом ко мне и тихо спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.